

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

6-го іюня настоящаго года исполняется столѣтіе со дня рожденія одного изъ величайшихъ мастеровъ русскаго слова, Ивана Александровича Гончарова († 1891 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что вся великая Россія единодушно будетъ чествовать въ этотъ день его память. Въ огромный всероссійскій вѣнокъ на его могилу редація „Русской Старины“ вплетаетъ и свой листокъ, какъ дань уваженія не только къ поэту-художнику, но въ частности къ *романисту-историку*.

Гончаровъ не принадлежалъ къ числу писателей, которые, подобно Лермонтову и Достоевскому, съ трепетомъ ожиданія смотрять впередъ, стараются предугадать общественныя настроенія и, по неясно еще обрисовавшимся контурамъ, создавать образы новыхъ людей. Творчество Гончарова, по его собственному сознанію, „требовало спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни, а новая жизнь слишкомъ нова, она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ“. Говоря словами главнаго героя своего, Обломова, Гончаровъ „приросъ одною больною половиною къ старому“. Онъ рисовалъ безсмертныя типы русскихъ людей, но это были типы уже отжившіе или отживающіе, отходившіе въ область исторіи. Какъ всѣ историческіе документы въ широкомъ смыслѣ этого слова, и произведенія Гончарова уясняли современное ему настоящее, но весь ихъ смыслъ заключался въ воспроизведеніи культурнаго прошлаго, пережитаго самимъ авто-

1885

W. Courages

ромъ вмѣстѣ съ современнымъ ему русскимъ обществомъ. Прошлое это — послѣдніе годы Николаевского царствованія и существованія крѣпостного права.

Эпическая трилогія Гончарова — романы: „Обыкновенная исторія“, „Обломовъ“ и „Обрывъ“, — по замыслу автора, представляетъ собою развитіе одной и той же картины состоянія русскаго общества, какимъ его создала эпоха Николая I. „Обыкновенная исторія“, говоритъ Гончаровъ, есть первая галлерей, служащая предверіемъ къ слѣдующимъ двумъ галлереймъ или періодамъ русской жизни, уже тѣсно связаннымъ между собою, т. е. къ „Обломову“ и „Обрыву“, или къ „Сну“ и „Пробужденію“. Задачей романиста явилось здѣсь не обличеніе самихъ язвъ николаевского времени: ужасовъ крѣпостного права, полицейской опеки надъ мыслью и самодѣятельностію общества и широкаго развитія административнаго произвола, — а уясненіе того вліянія, какое язвы эти имѣли на созданіе культурныхъ типовъ и общественныхъ настроеній. Замѣчательно, что Гончаровъ, „приросши одной больной своей половиной къ старому“, проходитъ мимо этихъ язвъ, какъ бы не замѣчая ихъ, въ противоположность обличительной литературѣ, господствовавшей въ его время, но тѣмъ рѣзче, тѣмъ беспощаднѣе оказались изображенныя имъ картины патологіи русскаго общества въ лицѣ Адуевыхъ, Обломова, Райскаго и Волохова... Стихійное „ничегонедѣланіе“, неспособность трудиться, безволіе и полная апатія ко всему окружающему, съ одной стороны, и жалкія попытки къ дѣятельной, разумной жизни, принимающія иногда уродливыя формы, какъ напр. у Волохова, съ другой, — вотъ плоды, выросшіе на почвѣ помѣщичьяго быта и чиновничьяго произвола, сковавшаго жизнь великаго народа во всѣхъ ея отрасляхъ. Эпическое спокойствіе, съ которымъ Гончаровъ рисуетъ картины изъ этой жизни, напоминаетъ собою безстрастіе историка, который добросовѣстно излагаетъ событія прошлаго, независимо отъ ихъ моральной цѣнности, стараясь воспроизвести прошлую жизнь именно такъ, какъ она текла, не искажая фактовъ въ угоду какой-либо тенденціи. И глубокое сочувствіе, нѣжная любовь Гончарова къ родному народу и его задачамъ еще болѣе подчеркиваетъ ужасъ описываемой имъ нравственной простраціи. Только читая Гончарова, вы легко понимаете, какъ создается нравственное рабство человѣка, какъ атрофируются его силы и чувства и какъ онъ становится наконецъ бременемъ для себя и для окружающихъ. Что сказать наконецъ объ обществѣ, въ которомъ человѣкъ ставитъ себѣ въ особую заслугу, что онъ „глядитъ на всякаго такъ, какъ будто просить осѣдлатъ его и поѣхать?“

Трилогія Гончарова—это тѣ же историческіе мемуары съ тою лишь разницей, что здѣсь факты возведены въ синтезъ гениальнымъ творчествомъ самого современника. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше значенія она будетъ имѣть для исторіи русской жизни и культуры. Развѣ это не характерно, что въ „Обыкновенной исторіи“, цѣлкомъ относящейся къ первой половинѣ XIX вѣка, положительнымъ типомъ является для русскаго общества тайный совѣтникъ, открывшій заводъ и дѣйствительно занимающійся его дѣлами? Такого только общественнаго дѣятеля могъ представить себѣ Гончаровъ въ то печальное время и, страннѣе всего, въ этомъ согласился съ нимъ даже идеалистъ—Бѣлинскій, какъ ни прозрачно намекаетъ на свое происхожденіе отъ Фамусова самъ Петръ Ивановичъ Адуевъ. При существовавшемъ тогда запретѣ на всякую общественную мысль, на всякую общественную самодѣятельность, и тайный совѣтникъ, имѣвшій смѣлость открыть заводъ, представлялъ собою, быть можетъ, исключительное явленіе, какъ своего рода иниціаторъ, выбившійся изъ чиновничьей колени и задумавшій дѣлать дѣло. Но не всѣмъ возможно было открывать заводы въ рангѣ тайнаго совѣтника, и не всѣ Александры Адуевы имѣли такого дядю, какъ Петръ Ивановичъ, умѣвшій сдѣлать изъ племянника свое нравственное подобіе. И эти Адуевы постепенно превращались въ Обломовыхъ. Второй романъ Гончарова—„Обломовъ“ есть, по собственному его опредѣленію, „воплощеніе сна въ русскомъ обществѣ, застоя, неподвижной мертвой жизни, *переползаніе изо дня въ день* въ одномъ видѣ и въ его обстановкѣ“, окрещенное Добролюбовымъ названіемъ „обломовщины“. Обломовъ совмѣстилъ въ себѣ основныя черты, объединяющія всѣхъ литературныхъ героевъ того времени: Онѣгина, Печорина, Тентетникова, Рудина, Бельтова. „Надъ всѣми этими лицами, замѣчаетъ Добролюбовъ, тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльности, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ... У всѣхъ у нихъ одна общая черта—безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего“. Самъ Илья Ильичъ Обломовъ „болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ этотъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища“. Для историка ясны общія причины существованія этихъ „живыхъ труповъ“, но въ то время сознаніе ихъ доступно

было не всякому... Ликвидация ихъ началась тотчасъ послѣ Крымской войны.

Въ противоположность Обломову Гончаровъ не даромъ вывелъ нѣмца Штольца, какъ образецъ энергіи и дѣловитости. Въ то время нѣмцы и нѣмецкій элементъ, преимущественно остзейскій, играли большую роль въ Россіи. На высшихъ степеняхъ службы въ царствованіе императора Николая ихъ было до 60% всего состава. Покровительствуемые свыше, при всеобщемъ застоѣ, они были профессорами, инженерами, техниками, управляющими и расходились по всей Россіи по городскимъ и деревенскимъ Обломовкамъ. Известная резолюція императора Николая на плохой аттестаціи о гвардейскомъ офицерѣ-нѣмцѣ: „онъ эстляндецъ, и этимъ все сказано“, служила руководящимъ началомъ для относительной оцѣнки русскихъ и нѣмецкихъ дѣятелей. Гончаровъ признавалъ пользу служенія нѣмцевъ въ Россіи, хотя указывалъ, что нѣкоторыя партіи остзейскихъ нѣмцевъ, живя въ Россіи, съ русскими, находя въ ней надежную опору своего политическаго существованія и всѣ условія благосостоянія, считаютъ ее чуждою себѣ, своему нѣмецкому духу, пятятся отъ сліянія съ нею и стараются удержать *statu quo*.

Третій періодъ изображаемой Гончаровымъ русской жизни названъ имъ „Пробужденіемъ“ и выразился въ третьемъ романѣ его трилогіи „Обрывѣ“. Въ дѣйствительности герой „Обрыва“ Райскій недалеко ушелъ отъ Обломова. Оба романа, появленіе которыхъ раздѣлено было десятилѣтнимъ промежуткомъ времени, Гончаровъ писалъ почти одновременно, и оттого въ „Обрывѣ“ видимъ обстановку той же крѣпостной Россіи, хотя дѣйствіе романа относится уже къ шестидесятымъ годамъ. Оттого и Райскій, это, по словамъ Гончарова, проснувшійся Обломовъ: „сильный новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза, но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія, потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ и преобразованіяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ; съ профессорскихъ кафедръ послышались инныя рѣчи. Въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи смѣло выражалась передовыми людьми жажда переменъ. Райскій умомъ и совѣстью воспринялъ новыя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло“. Онъ хватается за живопись, скульптуру, поэзію, но, сдѣлавъ первые шаги въ одной области, охлаждаетъ къ ней, бросается отъ одного дѣла къ другому, не кончая ни того, ни другого.

„Въ обществѣ, въ образованной средѣ, рассказываетъ самъ Гончаровъ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій мѣшались и путались

еще съ терніями и волчцами обломовщины всякаго рода—и вольной, и невольной, съ разными приманками празднаго житья-бытья и съ трудностями упорной борьбы со старымъ. Застой, отсутствіе спеціальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая и годныхъ, и не годныхъ, и нужныхъ, и не нужныхъ, и распложавшая бюрократію, все еще густыми тучами лежали на горизонтѣ общественной жизни... Мы всѣ работали какъ-то въ одиночку тихомолкомъ, съ оглядкой и опаской, и больше изъ нужды. А кому не было нужды—тѣ дилеттанствовали. Напримѣръ, одинъ зналъ отлично технику музыки, былъ меценатъ и другъ всѣхъ иностранныхъ и своихъ знаменитостей, носилъ въ себѣ планы музыкальныхъ серьезныхъ сочиненій: оперъ, можетъ быть ораторій, симфоній, говорилъ о нихъ съ жаромъ и знаніемъ дѣла. Всѣ ждали отъ него чего-либо серьезнаго, а онъ разрѣшился сочиненіемъ одного хорошенькаго романса (гр. Віельгорскій); другой, обладая необыкновенною силою лирическаго пафоса, написалъ всего десятка два прекрасныхъ стихотвореній (Тютчевъ). И это лучшіе люди извѣстнаго круга. Третій, съ многостороннимъ образованіемъ, большою начитанностію написалъ нѣсколько легкихъ рассказовъ, гдѣ кроются сѣмена серьезнаго таланта (кн. Одоевскій). Много можно привести примѣровъ въ pendantъ съ этимъ. Во всѣхъ родахъ искусства таланты такихъ Райскихъ не были содержаніемъ и цѣлью жизни, а только средствами пріятно проводить время“.

На этотъ разъ противоположностію Райскому Гончаровъ вывелъ русскаго Тушина, человѣка здраваго смысла, хозяйничающаго у себя въ имѣніи на раціональныхъ началахъ хозяйства и строгой справедливости. „Всѣ новыя идеи и преобразованія застали его готовымъ“, говоритъ Гончаровъ. Но подобно Штольцу, и Тушинъ очерченъ слабо и бѣдно. „Новые люди“ видимо не удалось Гончарову, какъ впоследствии не удался Тургеневу Соломинъ въ „Нови“. Да и кому удавались въ русской литературѣ положительные типы? И много ли ихъ народилось въ нашей культурной жизни?

Особнякомъ стоитъ у Гончарова виновникъ обрыва, Маркъ Волоховъ, представитель испорченной части молодого поколѣнія, который, подъ вліяніемъ аравиды къ старому строю, отрицаетъ „небесные и земные авторитеты“ и проповѣдуетъ новую свободу, не выходящую, впрочемъ, изъ предѣловъ призыва къ свободной любви. Маркъ, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Райскій, и могъ появиться только въ шестидесятые годы, тогда какъ по своему содержанію „Обрывъ“ относится еще къ крѣпостной эпохѣ. Этотъ анахронизмъ даетъ возможность Райскому такъ отозваться о Волоховѣ: „Это наша партія дѣйствія... Да, изъ кармана показываетъ кулакъ

полицеймейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ и дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слаонервныхъ умницъ“. Волоховъ является циничнымъ буяномъ, который не гнушался выманивать деньги подложнымъ письмомъ. „Я взялъ, говоритъ о немъ Гончаровъ, не авантюриста, бросающагося въ омутъ для выгоды ловить рыбу въ мутной водѣ, а съ его точки зрѣнія—честнаго, т. е. искренняго человѣка, не глупаго, съ нѣкоторой силой характера. И въ этомъ условіе успѣха. Не умышенная ложь, а его собственное искреннее заблужденіе только и могли вводить въ заблужденіе и Вѣру, и другихъ. Плути узнали бы всѣ сразу и отвернулись бы отъ него“. Къ несчастію, этихъ искреннихъ отребьевъ молодого поколѣнія, во вкусѣ Волохова, оказалось впоследствии не мало на русской нивѣ, заросшей сорной травой въ предыдущую, обломовскую эпоху. И лучшія русскія дѣвушки шли на призывъ этой грубой „силы“, шли на „свѣтъ“, часто оказывавшійся болотнымъ огнемъ. Гордая, тонкая, изящная кузина Райскаго и его идолъ, Вѣра, сдѣлалась жертвою циника Волохова. Незнаніе жизни, отсутствіе серьезнаго образованія, дѣлало изъ лучшихъ женскихъ качествъ русскихъ дѣвушекъ орудіе ихъ гибели. „Это явленіе, какъ холера, какъ тифозная горячка, выхватывало изъ нашихъ родныхъ или знакомыхъ семей жертву за жертвой и наводило почти панику на общество... Сюда не подходятъ, конечно, говоритъ Гончаровъ, тѣ серьезныя женщины новаго поколѣнія, которыя въ самомъ дѣлѣ хотятъ работать и которыя путемъ строгаго, систематическаго образованія, ищутъ усвоить себѣ ту или другую отрасль знанія, профессію и создаютъ для себя самостоятельную дѣятельность и жизнь. Но тутъ путь долгъ и труденъ, и не всѣ выдерживаютъ его до конца. Тѣ женщины не бѣгаютъ тайкомъ отъ своихъ семей: онѣ открыто идутъ въ открытыя имъ двери учебныхъ заведеній, обществъ, курсовъ, при общемъ участіи и уваженіи. Въ рукахъ этихъ женщинъ—прямое рѣшеніе такъ называемаго женскаго вопроса“!

Итакъ, мы видимъ, что историческое значеніе произведеній Гончарова ограничивается по преимуществу эпохой крѣпостнаго права въ Николаевское царствованіе. На его долю выпало отмѣтить и съ необычайною яркостью обрисовать апатію и дряблость нашего культурнаго общества того времени въ цѣломъ рядѣ художественныхъ картинъ, прослѣдивъ преемственность общественныхъ настроеній. Когда въ лекціяхъ по русской исторіи незабвеннаго Ключевскаго мы читали о развращающемъ вліяніи, какое имѣло крѣпостное право на укладъ всей русской жизни и, между прочимъ,

на самихъ помѣщиковъ, Гончаровскія картины вставали въ нашемъ воображеніи, какъ яркая иллюстрація къ научнымъ положеніямъ. Нуженъ былъ весь объективизмъ, вся уравновѣшенность творчества Гончарова, чтобы остаться на высотѣ художественнаго изображенія жизни, на анализѣ постепеннаго нравственнаго паденія личности, а не перейти въ сатиру, во вкусѣ обличительной литературы. Оттого мы видимъ въ его произведеніяхъ жизнь, какою она была въ дѣйствительности, а не по предвзятой тенденціи автора. При свѣтѣ историческихъ изслѣдованій Николаевского времени многое въ произведеніяхъ Гончарова станетъ яснѣе, даже то, что не было яснымъ самому ему, такъ какъ и онъ, подобно своему герою, „приросши одной больной половиной къ старому“, не могъ вполне отрѣшиться отъ взглядовъ и симпатій стараго, добраго времени. Любопытно, что современники Гончарова также не всегда понимали смысла его произведеній, и „Сонъ Обломова“ появился въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“ въ видѣ приложенія къ „Современнику“, въ 1849 году, въ самый разгаръ реакціи и дѣятельности Бутурлиновскаго комитета!

Въ Симбирскѣ, на родинѣ Ивана Александровича Гончарова, ему воздвигаютъ памятникъ. Неужели Петербургъ, гдѣ жилъ и трудился великій бытописатель земли русской, не отдастъ должной дани его славной памяти?

Е. Ш.

